

ББК 63.3(2)633

А.Н. Федулов

Литературно-художественный самиздат в СССР в 1970–1980-е гг.

Ключевые слова: самиздат, тамиздат, официальная культура, неофициальная культура, литературный процесс.

Keywords: Samizdat, «Tamizdat».

Изучению феномена самиздата в постсоветской историографии было уделено немало внимания, однако в силу определенных причин большинство исследований на начальном этапе изучения было посвящено правозащитному направлению неподцензурной литературы. Широкий интерес к литературно-художественному самиздату стал наблюдаться лишь в последние годы.

Существование неподцензурной литературы в СССР в указанный период времени было характерно для всей страны в целом (в основном для крупных городов). Однако здесь мы остановимся на рассмотрении этого явления только на примере Ленинграда и Москвы, традиционно являвшихся главными культурными центрами, на примере которых феномен самиздата может быть показан более глубоко и рельефно. Выбор данного временного отрезка обусловлен тем, что к концу 1960-х гг. в СССР произошло окончательное размежевание культурного поля на две составляющие: официальную культуру и неофициальную культуру, или андеграунд, на что в немалой степени оказал влияние самиздат.

Не будем останавливаться на подробном рассмотрении истории неподцензурной литературы в России, тем более что этот вопрос достаточно освещен в литературе, однако необходимо уточнить границы понятия «самиздат» и связанные с ним начальные временные рамки.

Принято считать, что слово «самиздат» придумано московским поэтом Николаем Глазковым в середине 40-х гг. XX в. Изначально оно звучало как «сам себя издат», но впоследствии было упрощено до «самиздата» [1, с. 41]. Широкое распространение термин получил только в 60-е гг. Причем под самиздатом подразумевалось хождение «по рукам» не только литературных произведений, но и самых разных текстов – это машинописные тексты, фотокопии и другие разновидности нетипографского тиражирования, а само понятие перешло в разряд описательных [1, с. 42]. Таким образом, понятие «самиздат» характерно для 60–80-х гг. и обычно обозначает весь спектр неподцензурной литературы, издававшейся «подпольно» в этот период времени.

На наш взгляд, самиздатом можно считать нерукописные тексты, напечатанные, как правило, в домаш-

них условиях с применением различных технических средств. Включать в число самиздата рукописные тексты этого времени мы считаем нецелесообразным, так как это, во-первых, размывает само понятие «самиздат», а, во-вторых, данный способ распространения текстового материала не является характерным исключительно для данного периода времени. Можно заключить, что окончательно сложился и предстал в том виде, в каком мы его знаем, самиздат только в эпоху оттепели. Период постсталинской мягкой либерализации идеологического и культурного климата благоприятно повлиял на переход от разрозненных публикаций до широкого, ставшего массовым, потока литературных произведений.

Важной характеристикой самиздата в рассматриваемый период можно назвать то, что литературные произведения изначально писались с учетом их последующей отправки в самиздат. Разумеется, данная ситуация не возникла автоматически. После известных событий 1968 г. в Чехословакии творческая интеллигенция в большинстве своем окончательно утратила иллюзию смягчить культурный климат в стране. Центр литературного самиздата переместился в Ленинград [2, с. 351]. В Москве же в начале и в середине 70-х гг. превалировал самиздат правозащитного направления.

Развитие литературно-художественного самиздата в Ленинграде в 1970–80-е гг. заслуживает особого внимания. «Вторая культура», впервые возникшая в Ленинграде, явилась следствием переизбытка специалистов гуманитарных профессий, которым уже с середины 60-х гг. было трудно отыскать работу по специальности. Немаловажным фактом явилось и то, что ленинградская интеллигенция традиционно считала себя более культурно направленной, в отличие от своих московских собратьев, которые не чурались участия в политических акциях. Все это, по словам Л. Алексеевой, выдвинуло на первый план лозунг «Долой политику!» [3, с. 266–267]. «Лишняя» ленинградская интеллигенция не считала для себя зазорным работать сторожами, дворниками, истопниками. Но зато высвободившееся время она могла посвятить творчеству, поиску новых форм искусства, разработка которых не могла быть возможна в официальном культурном поле [3, с. 267].

До полного осознания невозможности своего официального существования в качестве авторов, имеющих свой взгляд, зачастую противоположный

официальному, на литературу, многими делались попытки диалога с властью, нацеленные на возможность открытого опубликования своих произведений. Одной из первых таких попыток стала идея опубликовать пятитомное самиздатское собрание сочинений Иосифа Бродского (сам Бродский к тому времени уже был в эмиграции). В апреле 1974 г. в Ленинграде по обвинению в распространении самиздата был арестован историк и педагог Михаил Хейфец, в июне – Владимир Марамзин [4, с. 20]. Это, однако, не остановило литераторов «второй культуры», и вслед за успехом «газаневского» художественного движения, выставки которого были официально разрешены после громкого скандала с разгромом художественной выставки в Москве («Бульдозерная выставка»), было решено весной 1975 г. издать коллективный поэтический сборник поэтов литературного андеграунда – «Лепта». В сборник были помещены более 500 стихов 32 ленинградских поэтов, в основной массе не печатавшихся ранее. В конечном итоге после дискуссий в издательстве была выпущена разгромная статья П. Выходцева и издание было запрещено [4, с. 26–27].

После этой неудачи уже можно было говорить о полном размежевании официальной и неофициальной культур [2, с. 352]. С января 1976 г. стал выходить полностью неофициальный толстый журнал «37», включавший в себя стихи ленинградских и московских поэтов, религиозно-философские статьи и переводы работ зарубежных философов (периодически издавался до марта 1981 г.). В июне того же года вышел первый номер журнала «Часы» (просуществовал до 1990 г.). «Часы» задумывались как печатный орган неофициальной культуры в целом, поэтому в нем существовал отбор авторов, которые преимущественно не печатались вообще. Журнал имел сеть подписчиков, организовывал конференции, а в 1978 г. редколлекцией была учреждена литературная премия Андрея Белого, ежегодно присуждаемая неофициальным авторам (существует и по сей день). Также известны были журналы «Обводный канал» (1981–1993 гг.), «Северная почта» (1979–1981 гг.) и др. Всего к началу 80-х гг. в Ленинграде насчитывалось около десяти самиздатских литературных журналов [2, с. 352–353].

Опыт независимой литературной критики и публикаций литературных произведений в значительной степени повлиял на современный литературный процесс, а многие из деятелей неофициальной литературы стали заметными фигурами постсоветской культуры.

В Москве ситуация была несколько иной. По словам В. Кривулина, поэта и активного участника ленинградского самиздата, «в Москве не было жесткого водораздела между официальным и неофициальным литературными мирами (о чем свидетельствует пример «МетрОполя»), культурное пространство в столице не двоилось, но существовало множество

стадий плавного перехода от подполья к официальному признанию» [2, с. 354]. Ситуация с альманахом «МетрОполь» особенно интересна. Как и в случае с ленинградской «Лептой», организаторы «МетрОполя» задумывали альманах как способ отвоения у государства права на хотя бы небольшую свободу в творчестве. «МетрОполь», по мнению В. Ерофеева, должен был стать «бульдозерной» выставкой литературы» [5, с. 5]. Однако в отличие от «Лепты», где печатались только авторы так называемой второй литературы, в «МетрОполе» молодые и «непечатные» авторы перемежались с известными, такими как А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, В. Высоцкий, В. Аksenov, Ф. Искандер, и другими вполне официальными деятелями искусства. Сама идея была довольно смелой и по замыслу, и по воплощению. Многие рассказы достаточно правдиво описывали советскую обыденность, что не ускользнуло от внимания государственных органов. Несмотря на громкий резонанс и обвинительные статьи в официальной прессе, наказание участников альманаха было довольно мягким, особенно по сравнению с предыдущими годами. После ряда скандалов, связанных с притеснением деятелей культуры, и последующим осуждением таких акций советского правительства со стороны стран Запада представители верховной власти уже не решались на жесткие действия. В итоге издание альманаха в целостном виде было запрещено, молодые писатели (Е. Попов, В. Ерофеев) были исключены из Союза писателей, некоторые вышли сами в знак протеста, а В. Аksenov, Ю. Кублановский и Юз Алешковский эмигрировали. Альманах все же был издан, но только за рубежом.

Если говорить собственно о самиздате, то до перестройки в Москве не было периодических толстых журналов, как в Ленинграде. Московский самиздат существовал в виде альманахов, выходивших в одном или нескольких томах. Среди них были: «Московское время» (изд. Сергей Гандлевский и Александр Сопровский), «Эпсилон-салон» (изд. Николай Баитов и братья Бараша), и МАНИ (Московский архив нового искусства), изготовленный в трех экземплярах, одним из авторов которого был Лев Рубинштейн [2, с. 354].

К началу перестройки, по крайней мере в Ленинграде, литературные самиздатские журналы стали массовыми. Этому способствовало и усовершенствование методов печатания и ослабление давления со стороны властей. В Ленинграде наряду со старыми стали выходить новые издания: «Митин журнал» (с 1985 г. по настоящее время, в качестве малотиражного издания) и «Сумерки» (с 1988 по 1995 г.) [4, с. 49–50]. Московские журналы, такие как «Вавилон» и «Пост», выходившие в конце 80-х гг., были уже скорее стилизацией под самиздат, чем собственно самиздатом.

После принятия Закона «О средствах массовой информации» от 1 августа 1990 г. самиздат потерял роль источника независимой и правдивой информации [4, с. 51]. Самиздатовские издания были уже неконкурентоспособны на рынке легальной прессы, освобожденной от пут цензуры.

Особую роль в неофициальной литературе 1970–1980-х гг. стал играть тамиздат, название которого было образовано по аналогии с самиздатом. Это произошло во многом благодаря расширению неофициальных контактов с представителями стран Запада – журналистами, дипломатами и т.п. Получить книгу из-за рубежа (хотя бы в виде фотокопии) стало проще, чем непосредственно произвести ее самиздатовским способом. Данная ситуация была характерна в основном для Москвы и Ленинграда. Количество изданного за рубежом тамиздата поистине велико. Это были книги и известных писателей, и неизвестных деятелей «неофициальной литературы». Кроме книг и сборников стихов, выходивших в специальных эмигрантских книжных издательствах, выходили периодические журналы, выпускаемые эмигрантами, среди которых были альманахи литературы и искусства «Третья волна» (издатель А. Глезер, выходил с 1977 г. в Париже), «Синтаксис» (А. Синявский и Н. Розанова, Париж, 1977), альманах «Апполонь-77» (М. Шемякин, К. Кузьминский, Париж, 1977), «Время и мы» (В. Перельман, Е. Эткинд, Д. Штурман, Тель-Авив, Нью-Йорк, 1976) [4, с. 41–42].

В то же время публикации на Западе были престижнее официальных публикаций в стране и поднимали статус напечатавшегося за границей в среде пред-

ставителей «неофициальной литературы». В любом случае тамиздатовская литература всегда попадала в СССР и расходилась по нему либо в чистом виде, либо в самиздатовских копиях [4, с. 42].

Видимо, можно говорить о существовании рынка сбыта самиздата, а также тамиздата. По словам Л. Алексеевой, в 1970-е гг. была налажена продажа самиздатских произведений, на которые имелся спрос. Цена изготовителя была небольшой и, как правило, лишь покрывала расходы на производство издания [3, с. 210]. Но также есть данные о целенаправленном коммерческом распространении самиздата, и в первую очередь тамиздата, имевшего в глазах читателя большую ценность по сравнению с самодельной продукцией. Книги продавались в ряду других дефицитных товаров западного производства, а цены на них устанавливались по законам свободного рынка [6, с. 434]. Данный вопрос исследован еще недостаточно и требует дальнейшей разработки.

Литературно-художественный самиздат не был аполитичен и деидеологизирован, однако его целью являлась не борьба с существующим режимом, а свобода творческого самовыражения – то, ради чего он и был изначально создан. Самиздат расширял представление о мировой культуре в целом, в нем публиковались не только работы отечественных авторов, но и переводы сочинений известных западных писателей, философов и ученых, которые не могли быть изданы в официальной советской печати. Неподцензурная печать во многом помогла независимой литературе выжить в условиях жесткой цензуры и быть услышанной теми, для кого она создавалась.

Библиографический список

1. Савицкий, С. Андеграунд (История и мифы ленинградской неофициальной литературы) / С. Савицкий. – М., 2002.
2. Кривулин, В. Золотой век самиздата / В. Кривулин // Самиздат века / сост. А. Стреляный, Г. Сапгир, В. Бахтин, Н. Ордынский. – М., 1997.
3. Алексеева, Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период / Л.М. Алексеева. – М. ; Вильнюс, 1992.
4. Долинин, В.Э. Преодоление немоты / В.Э. Долинин, Д.Я. Северюхин // Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е : литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Северюхина. – М., 2003.
5. Ерофеев, В. Время «МетрОполя» / В. Ерофеев // МетрОполь : литературный альманах. – М., 2001.
6. Соколов, А.В. Общая теория социальной коммуникации : учеб. пос. / А.В. Соколов. – СПб., 2002.